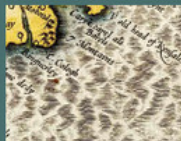

АЛЕКСАНДР САМАРЦЕВ

Часть ВСТРЕЧИ

Infula & portus

aliqui in Balatymorhaye

- 1. Infula
- 2. Infula
- 3. Infula
- 4. Infula
- 5. Infula
- 6. Infula
- 7. Infula
- 8. Infula

OCCANVS

Александр Самарцев

Часть встречи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27050509

Часть встречи:

ISBN 978-5-91627-054-6

Аннотация

Александр Самарцев известен публикациями в журналах «Юность», «Новый мир», «Золотой Век», а также в сетевых «TextOnly» и «Дети Ра». «Часть речи» – третья книга поэта, который сам считает ее первой, «осколком избранного», вобравшей все, что «сумело выжить». Подчеркнутая метафорическая плотность большинства стихотворений уравновешена привычными размерами, это не традиция, но и не авангард в чистом виде, а движение их друг к другу «по всем путям».

Содержание

Слово о крайнем	5
Встреча с Александром Самарцевым	9
Моей дорогой Юлии	12
«На сцену упала кулиса...»	13
«Острее запахла талая вода...»	15
«С желтых желобков двора Вернадского...»	16
«Ты одна меня помнишь в бумажной венгерской джинсе...»	18
Чуть по-другому	20
«Верен электрочайник газ языкаст обманчив...»	22
«“Границы – блеф” а вот и дошутились...»	23
«И в Африке и на обетованной...»	25
«На участке домик второй прогнил...»	27
«Не зацепило не пришлось...»	29
На слом стены	30
«Скопом читаю кого ненавидел когда-то...»	32
Из истории консультанта	34
«Поле трясся – исхлестали стебли...»	36
Триптих Алеше	37
«Кукует к вечности готовясь...»	43
Однажды в Сочи на предвыборной	44
Колодец	46
Старое письмо	47

«Желудь в миске оловянной дирижаблик или ёж...»	49
Сквозь город	51
Апрель	52
«Прильнул морозец улицы завыли...»	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Александр Самарцев

Часть встречи

Слово о крайнем

Как бы ни старался постмодернизм сnivelировать фамильные признаки поэзии, в стихотворных опытах они проявляют себя с той же беспощадностью, с какой на любом носителе выдают и свое отсутствие. Признаков таких немного. Это непрограммируемый вброс адреналина за счет свободного сочетания разных энергий; это интонационные модуляции, свидетельствующие о музыкальном генезисе; это, наконец, слова, расставленные в том порядке, который поэт признает для себя наилучшим. Всеми этими признаками стихи Александра Самарцева обладают в разной, но необманно присутствующей мере. На сем можно было бы и закончить, предоставив дальнейшее читателю.

Но ситуация в поэзии – не как роде или виде словесного искусства, а как главном фиксаторе состояния конкретного русского языка – ныне такова, что наличие признаков Поэта важнее, нежели симптомов версификации. Важнее – потому и значительно реже встречается. И только по этим знакам судьбы и породы можно составить мнение о роли поэзии в информационном – то есть постпоэтическом – об-

ществе. Искать точки трагедии – а быть Поэтом в пост-поэтическом пространстве по определению трагично – и жать на них ради проверки болезненности – занятие не самое гуманное. Но, во-первых, информационная среда заведомо не гуманистична, во-вторых, такая акупунктура необходима, если есть намерение приблизиться к истине, а не раздать пачку комплиментов, полагающихся по жанру предисловия. Самарцев отчетливо понимает, как легко тут запутаться и соблазниться:

*без костей трагедии бла-бла-бла
жмет на те же точки акупунктур*

Чем, собственно (бла-бла-бла), и занимается современная поэзия процентов на 90.

Из короткой биографии нашего автора на «Новой литературной карте» явствует, что по первому образованию он двигателестроитель. Как от чумы убегая от обыкновения пользоваться подобными сближениями, рискну все же опереться – на слово, а не на специальность. Ибо двигатель своей поэзии Самарцев строит из расходного поэтического материала – слова. Эка невидаль... Да вот ведь и невидаль! Система – а настоящий Поэт работает всегда в системе, как бы сам ее ни отрицал, – так вот, система Самарцева им самолично атрибутирована (сегодня за Поэта этого никто не сделает): «Только сама речь, ее волновой характер,

слово, как вечно возобновляемый – и бесконечный – ресурс, а не оформляющее образ или даже метаобраз, то есть обозначающее, подсобный материал, если уж до конца честно – здесь казался – и разочарования нет до сих пор – непочатый край».

Словописцев, оперирующих речью, а не применяющих ее для создания маски, в русской поэзии сегодня единицы. Александр Самарцев – один из единиц. Одно бесстрашие, как правило, ведет за собой череду других. Не побоявшись работать со словом, Самарцев не боится говорить сам с собой, в свою очередь, не боясь от этого сойти с ума, поскольку поэзия изначально, в своей магической и сакральной основе, не умна. Это еще Пушкин подметил. С другой стороны, в одиночке диалог с собой – часто единственный способ спастись от безумия. Потому что на втором полюсе вдохновенья, сладких грез и молитв леденеет и этот страх («Не дай мне Бог сойти с ума!»). Самарцев разметафоренную дурку подымает до хосписа («я крайний в этом хосписе мужичин»), но от этого трагизм только по-новому освещается.

Если поэзия «глуповата», Поэт тем более обязан быть умницей. Самарцев не боится демонстрировать творческие принципы забытого и осмеянного, как все всамделишное, метаметафоризма. Владимир Соколов, написавший: «Нет школ никаких – только совесть...» ошибся – или сознательно – и для своего времени актуально – прибегнул к апофатизму. Но непостижимость дара и его средств совести не ме-

шают. Во всяком случае, не ограничивают ее свободы. Александру Самарцеву школа, из которой он вышел в абсолютное одиночество Поэта, дает возможность поддерживать постоянную связь с ушедшими в иное измерение однокашниками – в первую очередь с Алексеем Парицковым – и не опасаться дилетантских упреков в подражательности. Переключка поэтов одного круга так же непосредственна, как переписка разлученных влюбленных. Это есть культурное бесстрашие. Ни с кем не связаны внутренне только профаны.

Пережив, как и все поэты его поколения, «ступор надежд безымянных тупик и облом», Самарцев нашел самый прямой, но и самый обнадеживающий источник света:

но есть есть из туннеля свет строки
отточенной как Боже помоги

Если последовать за Поэтом, рано или поздно есть шанс убедиться, что туннели когда-нибудь кончаются.

Марина Кудимова

Встреча с Александром Самарцевым

Название новой книги Александра Самарцева вызывающе полемично, и, как и в случае Бродского, это – символ веры: мировоззрение, сведенное к одному догмату, одной непроницаемой для логики формуле. Все есть встреча и все есть речь. Вопрос: может ли речь быть замкнута на себе, может ли монолог не быть диалогом (встречей), может ли речь – любая, от бессвязного бормотания до Нобелевской речи – не быть поиском связи, ее восстановлением, сиречь религией, связыванием оборванных нитей, соединением разрозненных частей?

Прекрасного распавшиеся части и они же – разорванная связь времен... Связывает ли их Самарцев, показывая их в их разрыве (но не распаде!) с иной, чем поэтическая, логикой, оперирующей понятиями дабы вогнать самое жизнь (встречу) в общепонятную схему? Иными словами, достигает ли цельности, воссоздает ли картину мира, его единство, или и в этом случае – апофеоз роящихся частиц, обломки разных лексических пластов, кружащиеся в водовороте текста – каждого по отдельности и всех вместе?

Вопрос не в том, управляем ли этот хаос, а в том, насколько он управляем, становится ли порядком, не переста-

вая при этом быть хаосом? Именно об этом я спрашивал себя всегда, читая или слушая Самарцева уже более двадцати лет. Название новой книги этот вопрос снимает, точнее – переводит и его, и все читаемое на тот уровень, где вопросов уже не задаешь, веря автору на слово, что все это – встреча, переживаемая им настолько сильно, настолько эмоционально, что речь (часть встречи) только такой и может быть – сумбурной, захлебывающейся....

Эллинист Пушкин как-то обратил внимание на разницу между вдохновением и восторгом, понимая под первым ясность и силу схватывающего понятия ума, ставящуюся греками превыше всего и бывшую образцом миро- и богопознания. Это-то и отличает классицизм от романтизма – традиции, которой следует (точнее, следовал, пока был жизнеспособен) модернизм, одного из последних могикан которого мы и видим в лице Самарцева. Здесь тип «вдохновения» (или, по Элиоту, концентрации) более близкий восторгу, чем соображению понятий, но только восторгу дано объять необъятную мощь, утверждает восточно-христианское богословие (преподобный Максим Исповедник). И кажется именно это и пытается сделать Самарцев. Объять необъятное, встречу с которым переживает так поюношески интенсивно, неся околесицу, бормоча, восклицая, строя причудливые системы, крутя свой детский – из 50-х годов – калейдоскоп, где перемешано все со всем

Он всегда взволнован, этот антипод концептуалистов,

всегда бьется с какими-то ветряными мельницами, что может вызывать недоуменную улыбку, раздражение, негодование, но вряд ли – равнодушие. Кстати, по поводу рыцаря печального образа, создававшегося, когда рыцарство могло вызывать лишь смех, моя дочь, прочитав Сервантеса, заметила, что если Гамлет – сумасшедший, то Дон Кихот – это вообще клиника Может быть. И тем не менее именно этой книгой, если вспомнить Достоевского, человечество оправдается на Страшном Суде. Иными словами, Александра Самарцева, на мой взгляд, нельзя не любить, как сказал Бродский об Анатолии Наймане, а это – главное. Встреча состоялась. Речь – удалась.

о. Константин Кравцов

Моей дорогой Юлии

«На сцену упала кулиса...»

С. Р.

На сцену упала кулиса

в луче пропылилась она
приказ настагает Улисса курите щавель чайхана
съезжаются гости фуршета стесненные длинным столом
мы пели однажды про это про твой юбилей напролом
в отшибленном семьдесят пятом

слайд-шоу меняют коней
порядок бывает разъятым обратным с крестей и с бубей
размазанный по асимптотам блавною цистерной в Афган
шесть соток родня «шестисотым» потрем же обман об
обман

Улыбок базар с монитора глаголет очнитесь деды
я вру про себя словно город хлебнувший мешок DVD
прицелен рассказчик физтеха затянутый в щукинский
класс

живот мой непрочное эхо смертям хоть одна б задалась
зато сплошняком усыпляла стреляла навскидку звала
сорвав тормоза сериала сирень и сукно со стола
и нет окружений властнее для воблы на телеверху
Медея и все ее змеи бикфордом плетут who is who

Бесчувственной пяткой надкусан паркет или так ламинат
пинг-понг антрекота с арбузом бойца не заметил отряд
отлетную в дырочках шляпу Ла Скала дыхалкой отжег
ты все юбилеи отплакал кромсая то лук то восток
а надо ведь надо же старче лицом к утомленной стене
восстать травянее и жарче жары безветрильной вовне
в луче мы про это бренчали крошили училищный мел
но песням не кланялся щавель откуда он здесь уцелел

«Острей запахла талая вода...»

Острей запахла талая вода
от двух прудов на повороте в Узком
убавишь скорость раз и навсегда
по ржавым тормозам ты свой ты узнан.

Вот-вот из застоявшихся глубин
единожды я знаю чей един
ветвистый всплеск прижал кружное место
к еще пустому лесу горьких щек
но взрыв большой по тихому течет
и ёк твоя ёк-ёк в нем эсэмэска

«С желтых желобков двора Вернадского...»

С желтых желобков двора Вернадского
лифт возносит на этаж на тот же
Отмокаешь сумрачными красками
дежавю забудем ты продолжи

Дверь открыть на три прыжка прихожую

сон во сне включается кондишен
в сбывшейся пусть потерю прошлую
время побежденное все спишет

Снимков комариное кружение
с жалобным испугом кошка-бука
ластится подсыпь чего кошернее
гранулами ультразвука

Кто мы здесь умрем или состаримся
если не уже но и без если
пульс разжался детского кристаллика
долгий-долгий вместе

«Ты одна меня помнишь в бумажной венгерской джинсе...»

Ю.

Ты одна меня помнишь в бумажной венгерской джинсе
у «Смоленской» с пионами с розами тут же на все
за еще не отбитым от рук восхищенным умом
отпустившего душу ловить наши дни кувырком
Их сжимает по зернышку пухом на горьком клею
с покаянным восторгом не раз и не сто расклюю

Столько столько живут попадая в свои же следы
если локоть знакомил с лицом из толпы от балды
столько столько рождаются к пеплу и праху спиной
отмечать по-домашнему бляенье вьюги родной
даст пион прикурить после рейсов туда и назад
как залитый очаг лепестки рассыпаясь горчат

Надо память подрезать сойдет примороженный хром
с потаенных копирок и кто из нас клон с молоком
кто по мудрому трус за двоих против счастья трясась
ты одна ты глазами одна ближе страсти по воздуху
страсть
отрясаемый счет стайкой пуха да стелется ей
и не вся и не всякая боль этой жертвы смелей

Чуть по-другому

«...и что нельзя беречься».

Д. Самойлов

Давай давай помедлим
подобные рисковым
не то чтобы кометам
а ноготкам левкоям
шуметь и расставаться
особенно второе
у стойки регистраций
над Истрой за рекою
отпущенные дети
детей понарожали
руль облаками вертит
без видимой педали
заглушена машина
май сразу вновь за маем
погода беспричинна
растратим все что знаем
особенно сенсорных
тик-таков стрелки нервы
у лопухов подсолнух
ориентир неверный

к земле до посиненья
прижаться нет подушек
традиция семейна
перебивать но слушать
давай ведь всё настало
сквозь никогда возможней
не то чтобы сначала
а вот же вот же

«Верен электрочайник газ языкаст обманчив...»

Верен электрочайник газ языкаст обманчив
кто вскипятит быстрее выплеснет перенячит

Утро искрит промерзло запах «Нестле» от елки
и голубей Сан-Марко на середине Волги

Жметя весной к жилищу птичьих ветвей засада
красною клеткой скатерть вздута ее и надо

Клеммы судьбы совпали щелочно и кислотно
ищешь ключи в диване собранного неплотно

Отпочковались наши не из песка ли прятки
с верхом тебе две ложки мне как всегда несладкий

Вольно – былым свиданьям им не узнать о многом
что кипятку прикажешь то и пожнешь ожогом

Выплеснулось впиталось но и когда нет ближе
он как вода заноеет сам же себя залижет

«“Границы – блеф” а ВОТ И ДОШУТИЛИСЬ...»

«Границы – блеф» а вот и дошутились
с отменой виз лидирует Эйлат
любимая уже раскрашен Штирлиц
до дыр затерт рентгенный вариант

отправленный ко дну а все что метил
хрустит в капкане разрывных теней
но сам капкан остроугольно светел
а кто еще цветней

Внесла в синайский зной помол свой Истра
не колетя откуда дни растут
зажмуренность подводная слоится
губами губ у выхода простуд

С утра задуло стрекотом киношки
жизнь надморская взыблена в зенит
прохладен пол балкона
суматошный
дым выдыхаясь прутья зазмеит

Сожженных красок сгущены провалы
черным-бела там щелка для ключей

живой? – разбудишь на границе алой
не выдам кто живей

«И в Африке и на обетованной...»

И в Африке и на Обетованной
поэт погонщик свой и свой же пес
единоверно бремя каравана
плевать на лай сомнений нервов грез
Неколебимы пилка для ногтей
пуловер с капюшоном полосатый
нести свою пустыню так теплей
а внешнюю оставь для конденсата
Но сух просторный получений зал
там наш багаж просвеченный упал
точнее выпал и не наш точнее
у суеты собачий нюх качелей
пусть замкнут он конвейерной петлей
а караван стоит один одна ли
взведен мобильник прочее детали
найдется все как в Яндексe открой
за оба чемодана сам сойду я
встречает на парковке бодрый «чииз»
совпали бирки слепком с поцелуя
удобней на плечо мне ляг смягчись
в заторах в утомительных рулежках
пока рецепшен ключ не обнаружь
от лоджии от как и мы бескожих
и сумеречно средиземных луж

Ты ты поэт дотошна несекретна
чувствительна к пиявкам смс
последняя бессчетна сигаретка
песок морской но вот и он исчез
на полпути к посадочным огням
как силомер выскальзывая рыбиной
сжат Nokia его бы я отнял
от жадности к усталой ли к обыденной
...Спираль восхода стиснула балкон
ты помаши оттуда и вдогон
смешная руки взденешь низачемно
палате номер Крестный путь храня
по дому беспорядочным кочевьем
большую верность вирус выбор дня
и пишутся встречающие тропы
молчанием подолгу навсегда
для неумной умоляльной пробы
морозную пустыню без следа
оставить за плечами капюшоном
– шепоткой неба в развороте сонном

«На участке домик второй прогнил...»

На участке домик второй прогнил
а еще родительский не обшит
выходные в пробках остатком сил
тормоз-газ скрепило каркас обид

Поскорее с ноутбуком и под плед
забывай мобильный бросай теряй
от его вибраций садится свет
как на ладан раем дыша на рай

Сколько ни работай ни говори
обступила рваная но семья
электропилою от головы
сердце ходит ниша в тебе моя

Ходят по безветрию остриём
хвойные смотрители-сторожа
паутиной пустошью осквернён
воздух гарью Галича ворожа

по его лекалам Шаов Тимур
без костей трагедии бла-бла-бла
жмет на те же точки акупунктур

кровь не доливается в песнь козла

почкою двурогой уперт жасмин
бездыханно вздернутый парашют
приземленью памятник иже с ним
из анабиоза дым теплый пьют

* Трагедия (*греч.*) – песнь козла.

«Не зацепило не пришлось...»

Не зацепило не пришлось
напрасно поделом
я перетягиваю злость
я а не мы вдвоем

Жизнь говоришь вокруг тебя
не красит никого
восторг мой трезв а не беда
но и не без того

Обнять затихла оттолкнуть
в какой из клинча свет
мы против нас или отнюдь
живой живой секрет

На слом стены

Когда в Берлине рушили Великую
шампанским обливаясь салютуя
а у листвы подножные каникулы
еще текли помянутые всуе
предзимней мутью утром фары грезили
в московском ущемленном рваном гейзере
туман был целью рупором опорой
итогом крахом их отменой скорой
отодвигалась трещина сосущая
судьбу под нешипованной резиной
под колесом или дубинкой случая
на волю дуновений Триединой
Цвети же к ней болотная испарина
разрытых труб заподлицо сиротских
правдоподобно копия состарена
заломленные руки кляча ослик
цок-цок вжик-вжик падение сокровища
сопровождает бережным зигзагом
смычок и подбородок Ростроповича
пир камертонов жвачкой будь же задан
Ползла ли память ближний ль свет разведочно
брал в перекрестье вырванные лица
признать свое без ретуши без кепочки
как отпустить и даже не проститься

«СКОПОМ ЧИТАЮ КОГО НЕНАВИДЕЛ КОГДА-ТО...»

Скопом читаю кого ненавидел когда-то
он как обещано стал плодovit уязвим
два мы по-дзенски могли тусоваться неназванных брата
сыпать на раны пыльцу без уколов без мин

...В кухне пацифик на краске плохой намалёван
двум героическим айсбергам женщина шепчет «Земля!»
чуткость и риск тошнота перед часом неровным
– Можно ль ей с Вами? – Ахиллу с Аяксом нельзя.

Сдуйся пацифик сосущая травма фантомна
все поросло стихотропным где клумбы а где клевера
стерва в переднике замыслом та же Мадонна
срежет по лезвию танцы «пора брат пора»

Что ж не могу наизнанку простить не себе ли
ступор надежд безымянных тупик и облом
разворошенную пропасть тупой на пружинах постели
груз назовите хоть ревностью пять ли в одном

Он он изьял нас во всей полноте нарочито
и суетой не скрывая красуется как на войне
резче затяжка фатальнее сзади прошито

я то дышу то читаю и нравится мне

Из истории консультанта

У меня была папка для перспективных гордость моя
тысячи доверялись конвертам
получая ответы-клише
дважды в неделю живьем приходил самотек
пару имен из него удалось протолкнуть случайно
перспективные самые терпеливые
их команда никогда не редела
я понимал по мимике заводелом что ни разу не ошибся
с предложением
но свято блюлась очередность печатания своего
широченного круга
перспективные являлись как на биржу труда
следующая вакансия ваша
но и когда вместо парторга в кресло зава сел экс-
нападающий

Саша Ткаченко

подписывающий стихи моей креатуры не глядя
бедных перспективных вечно кто-нибудь переигрывал
идя с колес

Я предам подопечных моих ради кроличьей воли в
Кельне
«Юность» тощую кто теперь с придыханьем раскроет
кто как Пуханов на рынке Тишинском среди чебурек

полубрезгливо признается «Вот и я здесь аж целой страницей

а никому не нужно»

Прибить бы на месте пухлой папкой
заслуживая клеймо «Сальери»
скольких ради него не перекрестясь отодвинул
кто сегодня Пуханов и где этот вшивый орган Совписа
транзит gloria мунди сим-сим
осторожнее двери заклинило вышибло двери
если кто и рулит нет не пафосный бренд
и не выслуга брат
не кавычки цепей тиражами под три миллиона сто тысяч
сам сам процесс и рулит
врешь как запах вранья типографский
удушающим лилиям нечего рядом ловить
смерть смерть смерть
где же где твои перспективы

«Полемя трясся – исхлестали стебли...»

В. Пух.

Полемя трясся – исхлестали стебли
шина смякла порваны штаны
Был бескостным – позвонки ослепли
а срастешься все тебе должны
Рейн великий русский нас намылит
цепь и ржавых пару шестерен
что бы ни свело в езде навьлет
бегства путь волхвами заметен
Врать хорош прощеным воскресеньем
руки не в крови елей не тот
маслом отдают велосипедным
средство знал но и оно пройдет

Триптих Алеше

I

Я бы сузил засушливый август
зажигалку ведя параллельно подкове маршрута
как научен из стереометрии «эквидистантно»
грыз сжимал звуковые пружины
цинка минус а перед Чернобылем йода
и прикушенных слез развиваться мешает
детям зайцам жуку-водомерке
правильное капризное важнейшее из искусств
не черешню а косточку будто бы ищут нагнусь

Завербованный от Левенгука меняющий линзы
подросток
ненабеган до бочки таинственных лапок детсада на
мертвом часу
мы с таким же кудрявым в кризисе идем лицеистом
охотясь

И

возрасты смяты²⁹
привесив прощанью
окуляр лужниковский
не ужатый еще козырьком

и от рифм увильнув лезем на их амбразуру
теснотища касаний вьется ленточкою матросской
крепче лиан и узлов к центру цветка
некоторые дикие в шубе навьнос как микрофон вздутая
пагода

и трещотка
люпин астрамерия самый обыкновенный камыш

Без надлома негаданно станем к стыду же добрей
зренье режется кто водит кто кости обмоет кто
палеонтолог

с черепах Луна-парка съезжают приливные велорули
приподнять эту засуху веки фантомной Москве
крест повис у плеча

по дуге по мосту передвинут один за другим несинхронно
пока хватит настырности шила и сердца желательно двух
антрацита

по склонам
нарастает двойная петля похорон слухов о похоронах

Живчик взрыв он лелеял носил и его же откат
с перерывом на более менее сон я забит новостями
отстойного

радиосайта
мартиролог свободы по убывающей

Аксенов из комы Зыкина в оренбургском пуховом
Майкл-юла штатовский Межиров чуть заикаясь
княжич Сева Некрасов Лосев нет не философ другой
роженица сбита на «зебре» ментом

и автобус на воздух с ментами

Ты замкнул эту лестницу и на борт стрекозы подтянули
взвинчен циркуль стреляя черешневым соком
вспых да вспых межнебесная степь
швов изжога шлейф глин и лопат
недоношенных где-то драконьих осколков
с черенком гостя-мякоть свистит и свистела где б ей
свой же ракурс переформатировать
по родству поминальному палому голому пиррову
успеваешь успеешь успеи

II

Экскурсанты на Каменный мост за плечами трояк
все довольны режим еще с печки не бряк
а покаты шаром а припомним дурдом
только задние числа в почете крутом
Для чего-то с Поклонной взирал Бонапарт
ты поднимешь щелчком этот вид-водопад
в контражуре от башни софитных светил
красный ворон сажал их журавль ослепил
Можно выстроить клин острием и резьбой
на себя на бабло и на есть кто живой
муравьи-членовозы жучок-светофор
под землей ли в трубе пережатый простор

он втекает в застоля берлоги нон-стоп
лица встык и валетом на пленный сироп
демократия пас исподлобья как Стус
заводной минаретище чистит нам пульс
ох до въедливой пыли смололи зерно
докрутили дожали с борьбой заодно
сладок ил мастерских царь-каштан угловат
«левый» Кремль я вожу притушив газават
методисты навтытяжку млеют наглей
нагоняя не страх а румянцы нулей
на купюры с рябиной со сливой хромой
холм сиять обнесен погребальной каймой
до ушей вековечны случайные рты
как спасенная кража улыбки просты
неужели зашкалило профиль в анфас
звоном звонниц спеленут осколочный вальс
и петлялось и жглось обгоняя привет
громового щелчка вспышки вспышки все нет

III

Слова сомнутся скоро им хана
пока идем пока идти дана
дугой дорога трасса подвесная
вершину клятвы Герцен-Огарев
закрыл трамплин

ампирных потолков
лепнину веселя и осредняя

Она засыплет поле Лужников
трамвайчики бухтят голы удвоив
вынь пестик георгина из левкоев
в нас бьется лепестковый рыхлый кров
зародыш бомбы как он жить готов
но грузится во благо летних сбоев

Пух перепрел курсором зной завис
болотный дух не знает сослаганий
а надо б надо б флэшечку на бис
викторией с разжатыми ногами
рогаток пугал как стрела поманит
раскованней выныривая из

Дом где полюбим скрыт за той дугой
и кодовый замок во мне затикал
на страже встал кузнечик заводной
дзы-дзы язык один сплошной артикль
с разлив-травой пожара под балкон
маши маши да не отсохнет он

А клятва клятв дающая дрозда
давала даст другому континенту
ей реки гнуть текущие сюда
удваивая грудь – удар – и нету
но есть есть из туннеля свет строки

отточенной как Боже помоги

«Кукует к вечности готовясь...»

портрету из фильма К. Шахназарова «Сны»

Кукует к вечности готовясь
лес от обочины раздет
в нем на коряге гладиолус
чуть сфокусируешь – кларнет
ну а наощупь – веткой ветка
потри ее кора вельветна
всплеснут их пять как расплести
дельфиньи жабры-лепестки

Ведь кто-то положил сама ли
на место видное едва
Нас прочно чудеса достали
но вот овал там пыль вдова
портрет похожий невозможно
у стенки противоположной
шагнешь к нему как от него
нет меж вами ничего
коряга пень доска в белилах
ствол оборотень-инструмент
пять лепестков из тех ленивых
дельфиньих лет

Однажды в Сочи на предвыборной

Эмме и Сергею Золовкиным

Спичрайтером назвался отпилишь серый нал
штормящего начальства под ветром устоял
на страхе увольнения почти что серфингист
душа же параллельна и фон ее горист
пассивен если вникну лоя подставясь ртом
хурмы сушеной нитку а родину потом

Не спи не спи спичрайтер хватает вольных касс
еще ты не истратил отсроченный Кавказ
папах крест накрест ситца с каемкой похорон
базарчик потеснится сжижаясь как баллон
обвальной компры груди от склоки не спасла
электорат верблюда прокатит ли козла

Сдалась им процедура без веры и присяг
отец и сын понуро (дух отбродил иссяк)
рыбачат с волнореза припеком декабря
звук зажигалки пьезо намыт через края
с подхлеста пены гвалткой топориком куда
пальто не сняв упал бы без всякого кнута

Ведерко перегрелось сок недовыжат свеж

из маяка чей мелос отодвигай но ешь
я заказуху скинул пусть как ни оберни
ее все тянет клином к магнетикам гэбни
тянись же леска леска со взлетным поплавком
на корточках вот весь я меж сыном и отцом

Колодец

«...тверская скудная земля...»

А. А. А.

Скрип медвежьи
веретеном хромым
со стрекозою нежен
шарманкой храним
Цепь зазвякала
в обратный намот
ход полный без якоря
жало звена двоякое
маятник не уймет
Скользко – и неподъемна
ключевая вина
скоро ль ребер не помня
перельется она
глиной шлепнет по глине
за бурьян и внахлест
скоро ль скоро ль в помине
совесть куполом хлынет
в скудных мест синий рост

Старое письмо

Мих. Матушевскому

М. М. до тебя километров рыбак не приврет
суставы трещат у раскинутых рук и вперед
но в поиски лучшего берега вбиты кресты
и Рейна где все так похоже не вынесешь ты

...Урок физкультуры четвертая грудь не видна
зигзагами искорок длится рассвет дотемна
под слабым нажимом раскосо проворной лыжни
ее бы устами а по снегу лишь помани

Коньковому ходу за классикой гнаться голяк
мое ль это слово сказалось пусть мчит оно так
флажки расступаются флагов для верности два
зато где их нет чай дымней а граница мертва

не с печью а с речью хрустящей в загробье черно
гляжу на Отчизну – не знаю о ней ничего
опасные лица чисты что же их веселит
и пена в реале плодится разбитых корыт

На брызгах гарцуя мы все понемногу мираж
и кто не еврей кто же после Крещенья не наш

Америка Русь нам и степь у причала и клеть
запекшихся капелек пот или кровь растереть

Закат по-пластунски подполз это Стенькин курган
пещеры с мешками монет не отсудит Иран
у всплывшей княжны как ни плачь а нигде не болит
останемся солнцем стакана и связкой раки

их тоже швырнуло но комья пока не легли
разрытый объем отзовется на прогиб лыжни
а отзыв напрасен и карта растает вот-вот
не вынеся воткнутых кольев и наших свобод

«Желудь в миске оловянной дирижаблик или ёж...»

М. М.

Желудь в миске оловянной дирижаблик или ёж
закури над ним романы эпилогов не найдешь

Рань степная вновь по мокрым головешкам бег трусцой
Парашютом желудь попан а храбрится, как большой

держит душу поплавочно чиркается от подошв
За кого меня как почта с обознатов в печь метнешь

Без «Фетяски» нет развязки дыма без «Спотыкача»
мэйл отстукан для отмазки городок израильтянский
полтора ли два ключа

впрыснет нотных и впесочит «Распрягай-ка свой талант
саду ягоду Рабочих!» ах и не успеет кочет
кукарекнуть налетят

со двора в иные выси вспархивая огоньки
ветровому «Мицубиси» клеен отпечаток лисий
и желтей вперегонки

Там на фото Ляльки (обе) Яшка Звягиных семья
Белый миг еще не пробил ком как в горле затая
нет меня ни в той природе ни сейчас где я не я

Накрывались – тили-тили! – тополевою фатой
Ты заказан горе-киллер ностальгиям крокодильим
точечен до запятой

Или хронику развала запуской с того щелчка
от Матисса (только плавно) от Васильева от Павла
есть в ней копия сладка

Жёлудь пыжится юлою пляшет миска по бревну
выдержка ты будешь мною? Знаю сброшу не верну
берег свету глянец сну в рамке с тягой горловою

Сквозь город

Потянется товарный с запасных
как стрелы в колосящемся гомере
часовенка холма сквер серый жмых
ему объятий эхом наревели
Аукнет насыпь цепь весло корму
аллергик-мотылек чихни мотором
на площади я пеналь не возьму
расчерченная дриблингом топорным
под креозот под шорох Би-Би-Си
она перевернет листы клавира
натертые углем до небеси
и колеей что город раскроила
Плевать за кем бежать кого везут
напильник взгляда резанет – и мимо
привычно мозг стрелы вдохни мазут
пустую пачкой пролетела «Прима»
у вохры съедут крыша и прицел
но все путем та сторона талдычит
рядами «200 груз» бетон осел
и заманиху жрет на опохмел
пока гомер повзводно не прозрел
с никем не читанных табличек

Апрель

Вахтер института роняя ножище сапожный
(вчера экскаватор лачугу ковшом скovyрнул)
укрепит продавленный венский на солнышке стул
и шорохи паводка слушает рябчатой кожей

Затреплется фартук тяжелый облитый до пят синевой
Еще на шарнирах не откукарекали краны
а за упокой опрокинут по быстрой стаканы
соседи вчерашние у неизвестной пивной

Ах боже ты мой сколько пены салютом в салют
Заухали ямины как граммофонов растрУбы
и с майской повязкой призыва во лбу институт
всё скачет и скачет к воде не идущей на убыль

«Прильнул морозец улицы завыли...»

Прильнул морозец улицы завыли
одна другой метельней перекрёстной

кулём оглушены спортзальной пыли

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.